

МОЯ ПЕРВАЯ ФЕЯ СИРЕНИ

В сезоне 1925—1926 г. я, ленинградский студент-первокурсник, попал на балетный спектакль Мариинского (ныне Кировского) театра. Шла «Спящая красавица». Партию феи Сирени исполняла Елизавета Павловна Гердт.

Это было прекрасно! До сих пор я вижу эту царственную походку, этот мягкий и повелительный жест, необыкновенно красивые руки — от плеча до кончиков пальцев, совершающие чудесные превращения и движущиеся словно в воспоминании. Законченность, совершенство поражали в ее поэтической пластике. И прелестные сказочные черты. Казалось, что такого лица в жизни не встретить, что такие черты только в сказках бывают и в грезах.

Прошло несколько лет, и я увидел лицо это в жизни. Это было в доме художника Николая Эрнестовича Радлова. И я услышал, что и говорит она голосом феи. Нет, никем не могла она быть — только танцовщицей, только в балете!

Потом мы часто встречались в симфонических собраниях филармонии в Ленинграде. И я любовался ею. Ибо двух Елизавет Павловн нет: только одна, законченно изящная и на сцене и в жизни. И очень ею гордился, когда за кулисами, бывало, она беседует по-немецки и по-французски с приезжими музыкантами, — а это были все знаменитые и великие дирижеры, — и удивляет их обширными знаниями, тонкой культурой и пониманием музыки.

А теперь я и сам разговариваю с ней и сам удивляюсь: Слушаю удивительные воспоминания, читаю письма ее, изложенные великолепным литературным стилем, элегантным и точным пером. И во всем, что бы ни говорила она, ни писала — во всем ее вкус, ее личность, неизменная верность себе и тому, что она любила и любит. Она и в жизни — фея Сирени: добрая, строгая, чистая, совершенная в своей преданной вдохновенной любви к театру, к искусству, глубоко убежденная в том, что в танце можно свершать чудеса, как в сказке о спящей красавице.

Она исполняла главные партии едва ли не во всех лучших балетах. Исполняла прекрасно. И все же заслуга ее еще больше.

Елизавета Павловна Гердт, одна из немногих знаменитых танцовщиц, осталась на Родине в трудные годы гражданской войны и блокады и отдала новому балету—советскому—все свои силы. Одна из немногих, она продолжила великие традиции русского классического балета и воспитывала смену. Какая большая, благородная и полная жизнь! Без усталости, без годов! И какая законченность и сейчас в каждом ее движении и слове, ибо Елизавета Павловна и в жизни так же взыскательна по отношению к себе самой и к другим, как и в искусстве.

Ираклий АНДРОНИКОВ.

Стенная газета «Голос балета».

«Сов. Армия», 1971, 20/11